

ЛЕГЕНДА О «ЗНАМЕНИИ КОНСТАНТИНУ» В СИМВОЛИКЕ РУССКИХ ЗНАМЕН XVII—XVIII ВЕКОВ

Г. В. ВИЛИНБАХОВ

Формирование Русского централизованного государства сопровождалось оформлением идеологии сильной великокняжеской, а позднее царской власти. Ее составной частью было представление об идеальном государе, для чего русские авторы пользовались как материалами отечественной истории, так и иностранными источниками. В системе представлений средневековья об идеале монарха одну из ключевых позиций, наряду с библейскими царями, занимал образ императора Константина Великого (306—337). Естественно, что первый христианский император, заслугой которого была легализация христианства, должен был являть собой образец государя. Основным источником, откуда византийские, западноевропейские и русские авторы черпали сведения о Константине, было сочинение епископа Кесарийского Евсевия «Vita Constantinae»¹. В этом произведении Константин рисуется как образец истинного христианина и рассказывает, что перед битвой с претендентом на престол Максентием ему явился пополуночи изображенный звездами образ «Креста Господня», сияющий больше солнца, с надписью «In hoc signo vinces» (Сим знаменем победишь). Предсказание сбылось, Максентий был разбит². С этим событием связывают появление в римских войсках лабарумов, т. е. знамен типа векиллум с хризмой³. Они схожи с лабарумами — атрибутами архангелов⁴. Евсевий дает следующее описание лабарума Константина: «...к древку крестообразно прикреплена поперечина, а к ней, во всю длину ее — кусок драгоценной ткани, вышитой золотом и драгоценными камнями, с золотыми изображениями императора и его детей, и с бахромой по нижнему краю»⁵. Наверху у этого лабарума вместо римского императорского орла была хризма в венке⁶.

Исследователями отмечалось, что «традиция Византии в своем взгляде на форму креста,

явившегося Константину, по-видимому, единства не выдержала»⁷. Если в описаниях святых Константинополь главным образом фигурирует крест с дисками на концах, то византийские миниатюристы при изображении самого знамени Константину показывали крест иной формы, по мнению А. П. Смирнова, — более древний⁸. Так, на миниатюре из византийской рукописи IX в., содержащей «Гомилии» Григория Назианзина из собрания Национальной библиотеки в Париже, изображен Константин, поражающий отсутствующих врагов у Мильвийского моста, а над ним в круге крест с расширяющимися концами («якорный»⁹). На кресте надпись: *ev touto NIKA*⁹, греческий вариант девиза «In hoc signo vinces». Можно отметить общий признак в крестах, так или иначе связанных с легендой о знамени Константину, — постоянная тенденция к расширению концов.

Любопытно, что Ф. И. Успенский, описывая памятники, воздвигнутые в Риме в честь победы Константина над Максентием, отмечает, что «ли в подлиннике на этой статуе, ни в подлиннике на триумфальной арке нельзя видеть никакого отношения к кресту, на котором пострадал Христос»¹⁰.

Кресты, встречающиеся в византийской и европейской военной геральдике средних веков, имеют две общие особенности: равноконечность, позволяющую вписаться в круг, и расширенные концы. Эту группу крестов, чья семантика может быть названа победоносной, охранительной, мы связываем с легендой о знамени Константину¹¹. Наш вывод подтверждается сходством преданий о происхождении эмблем в виде крестов на флагах Швеции и Дании с рассказом о событиях у Мильвийского моста¹² и словами магистра Мальтийского ордена, сказанными при возложении кавалерского креста на Б. П. Шереметева 9 мая 1698 г.: «Сие знамение, которое носим на одеждах наших телесных, носим же

то и в сердцах наших. — Сие знамение, видящее на Хоругвах наших, враги креста господня и всего христианства впадают в страх и вдаются бегству. Сие — то есть знамение, которое на облаках видел Царь Константин, и слышал реченное: «Констанине! сим победиши враги твои»¹³.

Следует отметить, что морфологически и семантически крест Константина близок солярным знакам, имевшим повсеместно широкое распространение задолго до появления христианства и независимо от него¹⁴. Христиане стали поклоняться кресту лишь с IV века. К тому же времени относятся события, описанные в вышеупомянутом сочинении о Константине, и легенда о находке матерью Константина Еленой креста, на котором якобы был распят Христос¹⁵. Обращает на себя внимание то, что эти два сюжета (о знамени Константину и о находке креста Еленой) как бы указывают на двойную семантику эмблемы креста. Крест в одном случае — это знак охранительный, победоносный, связанный с абстрактным Богом, появляющийся на небесах (равноконечная форма, позволяющая вписаться в круг, и расширяющиеся концы). Во-втором — это знак мученичества Христа, имеющий в основе вполне материальный крест — орудие казни в Римской империи, на котором, в частности, распинали первых христиан.

На эти две большие группы может быть разделена вся совокупность встречаемых в христианской символике крестов. Границы между группами, очевидные на ранних памятниках, со временем размываются и появляются смешанные типы.

На Руси обращение к образу Константина было широко распространено. Уже автор «Повести временных лет» говорит о князе Владимире: «Се есть новый Константин великого Рима, иже крестився сам и люди своя: тако и сь створи подобно ему»¹⁶. Это сравнение проходит красной нитью в древнерусской литературе. Илларион, автор «Слова о законе и благодати» (XI в.), прославлял Владимира Святославича как основателя христианства на Руси и призывал к его канонизации. Он писал: «Владимир и бабка его Ольга такие же апостолы, такие же создатели и утвердители новой религии, какими были царь Константин и его мать Елена в поздней Римской империи»¹⁷. Подобное сравнение находим и у монаха Иакова в его «Памяти и похвале»: «Ведь ты блаженный князь Владимир был апостолом в Русской земле», «ты блаженный князь Владимир подобен Константину Великому сотворил»¹⁸. О киевском князе Юрии, жившем в конце XII в., летопись говорит, что он «философствовал», примеряя свое поведение к правоте царя Константина¹⁹.

Анализируя сказания о крещении Ольги и сказание о крещении Руси, Д. С. Лихачев писал: «Перед нами единственная мысль, проведенная в обоих сказаниях; дело Ольги и Владимира для Руси то же, что дело «равноапостольных» Елены и Константина для Византии»²⁰.

Образ царя Константина как идеального государя постоянно привлекался для поднятия авторитета великокняжеской, а затем царской власти на Руси. В XV в. в период борьбы за власть между Москвой и Тверью к подобной параллели обращается тверской князь Борис Александрович, которого называли «вторым Константином»²¹. В свете этого факта, вероятно, следует рассматривать и чеканку монет с изображением двуглавого орла в правление Михаила Борисовича Тверского, ранее принятая этой эмблемой Иваном III²².

Образ Константина использовался и в процессе формирования в конце XV в. идеологии Московского княжества. Митрополит Зосима в предисловии к «Изложению псалмов» в 1492 г. писал: «Прослави бог православного первого царя Константина... И ныне же в последние сиа лета... прослави бог сродника его (Владимира. — Г. В.) еще в православии просиявшего благоверного и христолюбивого великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, нового царя Константина новому граду Константину — Москве, и всей Русской земли и иным многим землям государя»²³.

Как отмечал Я. С. Лурье, «наименование Ивана III „новым Константином“, а „Москвы и всей Русской земли“ „новым градом Константином“ делалось... в смысле противопоставления и вытеснения „новым градом Константином“ старого... перед нами — та самая идея перехода мирового значения Византии на Русь, которую в XVI в. подробнее развил Филофей»²⁴. Формированию идеализированного образа Константина²⁵ своей редакцией способствовал хронограф 1512 г., проводник теории «Москва — третий Рим»²⁶.

В XVI в. публицист И. С. Пересветов обращался к сказанию о царе Константине для обоснования своих противобоярских тенденций²⁷. А в переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского каждый корреспондент обращается к образу первого христианского государя для подкрепления своих доводов. Для Ивана Грозного Константин — образец для подражания, чей опыт следует использовать (что и делает московский государь для оправдания собственных слов и дел). Иначе на этот исторический образ смотрит Курбский, который не упускает случая подчеркнуть, что победа над Максентием была дарована Константину «еще погану сущу и непосвященну». Видимо, опальный князь скло-

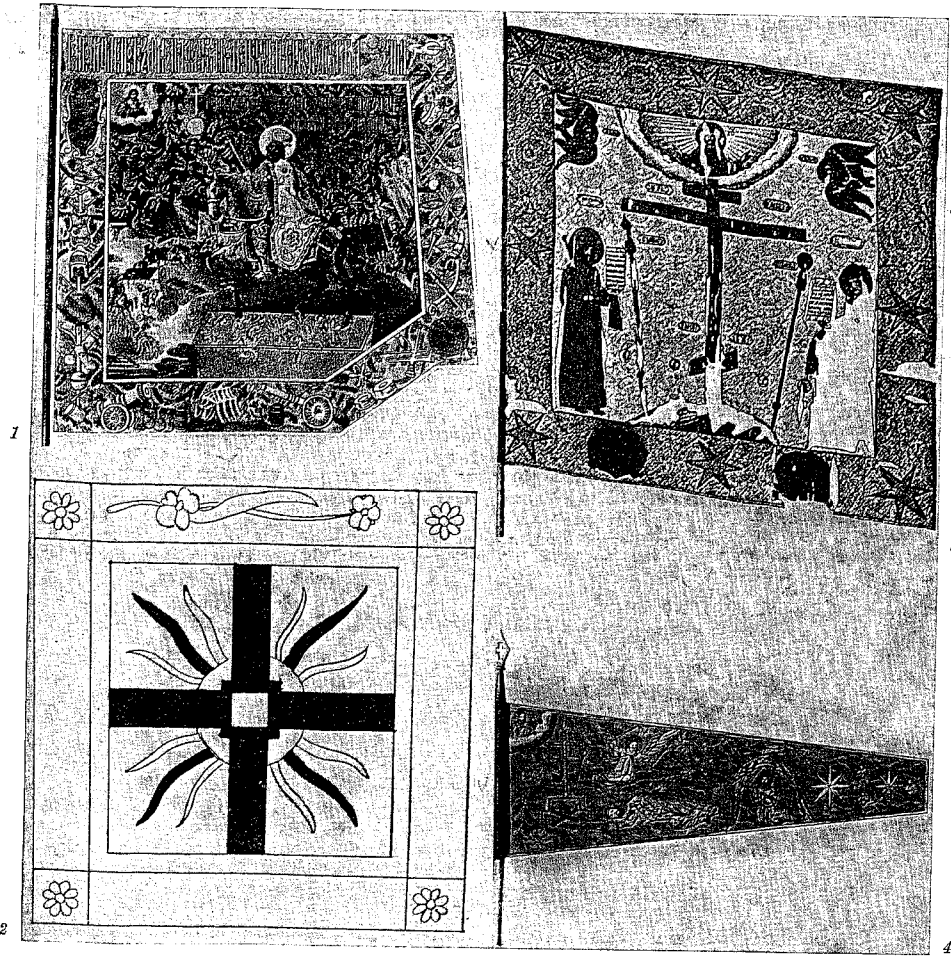

Рис. 1.1 — Знамя царя Алексея Михайловича 1645—1676 гг.; 2 — Стрелецкое знамя конца XVII в. Стокгольм; 3 — Знамя новгородских стрельцов конца XVII в. Стокгольм; 4 — Прапор Гребенских казаков конца XVII в.

нялся к критическому варианту парадигмы Константина, и в этом он близок своему учителю Максиму Греку, сомневающемуся в безусловности примера Константина для «царствующих благочестиво»²⁸.

К 50-м гг. XVI в. относится грандиозная, четырехметровая икона «Благословенно воинство небесного царя...», более известная под

названием «Церковь воинствующая»²⁹. На ней позади архангела Михаила, возглавляющего воинство, едет юный знаменосец, изображающий царя Ивана IV. «В иконном апофеозе московской победы царь Иван Грозный уподобен византийскому императору Константину», — пишет В. И. Антонова, — военные успехи которого в широко распространенных на Руси лице-

вых святцах объяснялись сверхъестественной силой христианской эмблемы — креста³⁰. В «Руварчевском родословце» — генеалогическом справочнике, сочиненном в связанном с Молдавией сербском Крушедолском монастыре после 1563 г., еще при жизни Ивана IV, мать его, Елена Глинская, сравнена с Еленой византийской — матерью императора Константина, а сам Иван Грозный именуется здесь «поистине Великим Константином»³¹.

В связи с сюжетом «Церкви воинствующей» и параллелями между образами Ивана Грозного и императора Константина следует упомянуть следующие факты. Связи России с Молдавией упрочились еще при дворе великого князя Московского Ивана III, когда молдавский воевода Стефан через свою дочь породнился с московским великокняжеским домом. При Стефане в молдавском монастыре Патроче (Патрауцы) в 1478 г. была украшена живописью церковь Честного Креста. Композиция ее фресок доказывали, что крест является оплотом в борьбе с турками. Здесь на западной стене представлено предводимое царем Константином конное небесное воинство³². Можно указать на определенную параллель «Церкви воинствующей» из собрания Третьяковской галереи с композицией, носящей условное название «Святое воинство Константина», или «Выезд царя Константина во главе святого воинства за победу христианства», в росписях церкви Константина и Елены в Охриде XIV в. и в селе Петреуци в Румынии рубежа XV и XVI вв.³³

Самое раннее русское знамя (рис. 1, 1), где встречается изображение композиции, связанной с легендой о Константине, относится к 1645—1676 гг. Это знамя царя Алексея Михайловича из собрания Оружейной палаты. Полотно квадратное со скосом нижнего угла. В центральной части изображен всадник на фоне сражающихся войск. Плащ его богато расшит, на груди равноконечный крест с расширяющимися концами, на голове шапка, напоминающая корону, вокруг головы нимб, в правой руке скипетр. Над всадником — патриарший крест; опирающийся на сияние, и надпись, объясняющая сцену: «Благодарный Царь Константин Константинович показывает войску своему явившийся на небеси Крест Господен и глас из облака глаголющ поведаю им». В крыже — благословляющий Христос. Вокруг центральной части — широкая кайма с изображением воинской амуниции, наверху надпись: «Великого государя Царя Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великая и Малая и Белая России Самодержца знамя»³⁴. Обращает на себя внимание одна деталь. Всадник изображен на постаменте, не имеющем в данной композиции

функционального значения. Создается впечатление, что художник, расписывавший знамя, пользовался изображением какой-то статуи. Возможно, что прообразом послужила воздвигнутая в 542 г. конная фигура Юстиниана, украшавшая площадь Августеон в Константинополе³⁵, поражавшая своей величиной русских паломников и изображавшаяся на русских иконах и миниатюрах XV—XVII вв.³⁶ Нельзя также исключать возможности, что образцом могла послужить любая из конных статуй, украшавших европейские города³⁷. Изображения Константина на знамени имеют аналогии в современной ему иконографии Алексея Михайловича. Укажем изображение царя на рубле и полтиннике 1654 г.³⁸ и изображения русского государственного герба с ездецом на груди на фронтисписе книги Л. Барановича «Трубы славы праведных» 1674 г.³⁹, на гравюре в Московской библии 1663 г.⁴⁰, на рисунке, помещенном в труде Симеона Полоцкого «Орел Российский» 1667 г.⁴¹ Причем ездец в царском венце и с бородой явно указывает на персону Алексея Михайловича.

На гербовом же знамени царя Алексея Михайловича 1666—1678 гг. в крыже просто помещена надпись: «Крест честный благочестивым царем упование и на враги победа и прогонение и одоление, кажез древле первому христианскому Царю Константину на одоления воинства Максентиева»⁴².

Кроме того, изображения креста Константина, вероятно, можно видеть и на стрелецких знаменах так называемого «крестового» типа⁴³. Мы не знаем истории их происхождения⁴⁴. А. В. Висковатов указывал: «Вообще в знаменах второй половины XVII века заметно некоторое однообразие в величине и сходство в изображениях. Особенно можно это сказать о знаменах, бывших в 1674 году у Московских стрелецких полков. Они имели вид продолговатого четырехугольника; состояли из каймы, средины и креста, и были... цветов, соответствовавших, как видно, цветам полковой одежды»⁴⁵. Изображения подобных знамен имеются в сочинении Пальмквиста⁴⁶. В целом ряде случаев на знаменах этого типа крест изображается с лучами, часто очень стилизованными⁴⁷. Иногда на знаменах просто изображался равноконечный крест с сиянием⁴⁸ (рис. 1, 2).

На сотенном знамени 1671—1675 гг. изображен царь Константин с крестом в правой руке и со скипетром в левой, по кайме надпись: «О Благодарный Царю Константине прииде на помощь благочестивому Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея великия и малыя и белыя Руси Самодержцу и способствуй победити враги его видимыя и невидимыя»⁴⁹. На

прапоре боярина Василия Семеновича Волинского 1650—1680 гг. крест изображен золотым, перед ним коленапреклоненный Константин, в углу Христос, под изображением надпись золотом: „Симъ победиши враги, благочестивый Царь Константин“⁵⁰. На казачьем значке XVII в. — десять звезд, расположенных крестом, между концами которого вышита надпись: „Всеми знаменами победиши“. Буквы надписи расположены по окружности, вследствие чего образуют как бы сияние вокруг креста⁵¹.

Кроме вышеприведенных примеров уважем еще несколько памятников конца XVII — начала XVIII в., то есть Петровского времени, но еще продолжающих традиции старых знамен. Это полотнище новгородских стрельцов 1688 г.⁵² с традиционной широкой каймой, на которой помещено восемь шестиконечных звезд. В центре изображен восьмиконечный (патриарший) крест на Голгофе с орудиями страстей и по сторонам — св. Константин и Елена. Над крестом в облаках — благословляющий Христос, а в углах херувимы (рис. 1, 3). Изображение св. Константина и Елены по сторонам креста широко известно в средневековом искусстве на Руси⁵³. В частности, в Новгородском Софийском соборе находится фреска XI в. с этим сюжетом⁵⁴. Тем же 1688 г. датируется знамя, пожалованное Запорожскому войску. На нем, над двуглавым орлом, десять золотых звезд составляют крест, а в клеймах помещены надписи: „Крестъ честный Благочестивым Царем Упование, а на враги победа и прогонение и одоление, яко же древле христианскому Царю Константину свыше глас бысть, сим победяи враги своя на одоление воинства Максентиена“ и „Крестом твоим Христе хвалимся и Святое твое воскресение поем и славим, ты бо еси Бог наш разве бо Тебе иного не знаем“⁵⁵. На прапоре с изображением Иоанна Предтечи и апостола Петра — святых, соименных царствующим братьям, — 12 золотых звезд образуют четырехконечный крест. В клеймах по сторонам креста и на кайме полотнища — надпись: „Образъ креста явльшагося на небеси благоверному Царю Константину и глас с небеси бысть: Константиние сим победяи враги...“⁵⁶. Ротное знамя московских стрельцов полка Алексея Лаврентьевича Обухова „построено“ 17 марта 1691 г. На верхней части окантовки десятью звездами изображен крест, по сторонам которого фигуры св. Константина и Елены. На центральном поле двуглавыи орел с ездом на груди⁵⁷. На прапоре Гребенских казаков изображен царь Константин в своем шатре, над которым восемь золотых звезд образуют крест, рядом с шатром лежащая фигура Максентия с отрубленной головой, над ним ангел с мечом и скипетром в ру-

ках. В крыже благословляющий Христос, а под ним восьмиконечный (патриарший) крест на Голгофе с орудиями страстей⁵⁸. Еще один прапор этого же времени украшен следующей композицией: Иисус Христос с архангелами Михаилом и Гавриилом являются Константину, спящему в шатре; над шатром в облаках крест⁵⁹. На драгунском знамени крест Константина изображен над грифоном, держащим в лапе меч⁶⁰.

Таким образом, группа русских знамен XVII в. с изображениями, восходящими к легенде о знамени Константину, довольно обширна и разнообразна: дарские знамена, богато украшенные, с пространными композициями и надписями, и простые полотнища стрелецких полков, и прапоры. Все это красноречиво говорит о широком использовании данного сюжета и связанной с ним эмблемы в знаменной символике Московской Руси, что было обусловлено, прежде всего, задачами политическими.

Как идеального правителя, Константина ставит в пример в своем сочинении серб Юрий Крижанич, пропагандируя идеи „славянского единства“, живший в России во второй половине XVII в.: „Меж христианских королей нет никого славнее Константина“⁶¹. Здесь следует отметить многозначность образа Константина. Это первый христианский государь, „силой креста“ победивший язычников, и святой, прославившийся своим благочестием, покровитель и вдохновитель воинов, и правитель, „которого подданные любят больше, чем бояться“⁶². По словам Юрия Крижанича, „прозвище „Великий“ он списал не ратными подвигами и не битвами, а мирными деяниями“⁶³. Вопросы, связанные с развитием и формированием легенды о Константине Великом, местом, которое его образ занимает в идеологии господствующих классов средневековой Европы, и трансформации исторического облика императора в зависимости от времени и места бытования легенды о Константине, выходят за рамки нашего исследования. Поэтому мы позволили себе лишь упомянуть о них.

Царь Алексей Михайлович относился к образу Константина Великого с пиететом. Среди росписей Архангельского собора Московского Кремля 1652—1666 гг. имеется фреска „Видение креста императором Константином“⁶⁴, образ Константина помещался над одним из кремлевских ворот⁶⁵. Интересные факты, подтверждающие существование культа креста Константина в России при Алексее Михайловиче, приводит в своих записках Павел Алеппский, сопровождавший в середине XVII в. Антиохийского патриарха Макария в путешествии в Россию⁶⁶. Он пишет: „Рано поутру, во второе воскресенье великого поста, нас также пригла-

сили, и мы отправились в собор (Успенский. — Г. В.)... Затем архидиакон принес большой золотой крест и другой малый. Патриарх Никон вторично благословил царя одним крестом и вручил ему, рад успеха на войне. Также и наш учитель благословил царя другим крестом и вручил ему, сказав через переводчика: „Как Бог древле даровал царю Константину Великому победу над врагами помощью честного креста, так и я молю Его даровать ее теперь тебе“... То было пророчеством со стороны нашего владыки патриарха: именно, царь слышал раньше, что в одном из Афонских монастырей, известном под именем Пантократор, т. е. Вседержитель, есть подлинный крест царя Константина, пожертвованный греческими царями при христовле (золотой грамоте). Царь просил монахов прислать ему этот крест, дабы он мог приложиться к нему, и в настоящее время в праздник Пятидесятницы, они прислали этот самый крест, когда царь был в стране ляхов“⁶⁷. Во время вьезда Алексея Михайловича в Москву после похода «вельможи стояли слева, а по правую руку его архиепископ тверской держал крест Константина в подобии иконного киота с серебряно-вызолоченными дверцами, которые царь устроил вновь, чтобы закрывать киот... другой архимандрит нес Влахернскую икону Владычицы... Царь... взял крест Константина, главу Златоуста и иконы и передавал их патриарху, как бы говоря: „Пусть эти сокровища отसेле находясь под твоей охраной“⁶⁸.

Куль креста Константина продолжался и при преемниках Алексея Михайловича. Так в „Чине отпуску икон и знамен в поход с Боярином Князем Василием Васильевичем Голицыным“, где подробно описывается весь ритуал молебна и освящения знамен, многократно упоминается „святой крест царя Константина“: „...поставили Святыя иконы на налее против Патриарха места... а икон было с верху крест Царя Константина, Спасов образ... Знаменне богородицы... Сергия Радонежского чудотворца, мученика Дмитрия Селунского... и мощи Святыя поставили на том же налее со Влахернскую богородицею... По сему начали молебен о победе на враги по чиновнику, что печатан при Святейшем Никоне Патриархе... По сем певчие пели: с нами Бог разумеете языцы... потом священник нес крест Царя Константина... потом Окольничей Михайло Тимофеевич Лихачев поднес Великим Государем их Государския знамени, которым бысть в полках, и Боляре и Воеводы знамени у Великих Государей иринимали, — а Болярин Князь Василий Васильевич Голицын с товарищи... пошли за святыми иконами, а знамени несли по прежнему напреду и иконы также... а Болярин Князь Василий

Васильевич поцеловал святой крест Царя Константина и образ Спасов, и велел поставить по сторонам против крылосов на тех же наляях; и потом Архимандрита и всех священного чина звал к себе в палаты, и подносил ренское; и потом отпустил их каждо восвосяи...“⁶⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что крест Константина во всей церемонии играет важную роль и зачастую упоминается прежде других святых.

Таким образом, можно говорить о существовании в Московской Руси культа не только идеального государя благоверного царя Константина, но и культа креста Константина, как символа победоносности.

Следует отметить, что широкое использование креста Константина в русской военной геральдике не является чем-то необычным. Мы уже упоминали о распространении этой эмблемы в европейской средневековой геральдике, теперь уважем несколько примеров нового времени. На знаменах Германии, Италии, Швейцарии, Франции XVII—XVIII вв. встречаются равноконечные кресты, часто с лучами или расширяющимися концами⁷⁰. На полотнищах ирландских полков, служивших французскому королю, на кресте помещен девиз „HOC SIGNO VINCES“⁷¹. Кресты с расширяющимися концами (лилиеобразный с лучами и мальтийский) украшали во Франции плащи мушкетеров короля и гвардейцев кардинала⁷². Из 18 орденских знаков в виде креста, описанных в сочинении А. Шхонебека начала XVIII в., 15 представляют собой варианты с расширяющимися концами и сиянием⁷³. Многие авторы начинают свои труды по истории орденов с легендарного ордена, якобы учрежденного в память победы над Максентием и получившего название ордена Константина⁷⁴.

Легенда о знамени Константине была хорошо известна и при Петре I. Причем ее звучание как победоносной использовалось в широкой пропагандистской кампании во славу государя начиная с первых лет его самостоятельного правления. Так, в 1696 г. при возвращении Петра в Москву из Азовского похода аллегорические картины и надписи, гласившие о победе Константина Великого над Максентием, сопровождалась вполне реалистическим изображением того, „как что было под Азовом“⁷⁵. Известно, что Петра, как и его предшественников, на Западе⁷⁶ и в России⁷⁷ называли „новым Константином“⁷⁸. „Се твой и, о церкви Российской, и Давид и Константин!“ — писал Феофан Прокопович⁷⁹. Уже в начале XIX в. в Москве было опубликовано сочинение „Сравнение свойств и дел Константина Великого первого из римских христианского императора со свойствами и де-

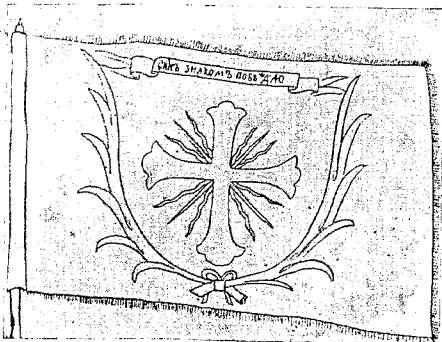

Рис. 2. Знамя драгунское обр. 1700 г.

лами Петра Великого, первого всероссийского императора и проишествий в царствовании обоих сих монархов случившихся. Творение покойного И. И. Голикова, известного сочинителя деяний Петра Великого⁸⁰. В свете всего вышесказанного представляется вероятным, что образом для знака учрежденного Петром первого русского ордена Андрея Первозванного служил широко известный в Европе того времени орден Константина⁸¹.

Рассмотрим теперь знамена Петровского времени, дабы проследить бытование на них эмблемы, связанной со знаменем Константину. Это представляет тем больший интерес, что до настоящего времени считалось, что на рубеже XVII и XVIII вв. произошла коренная ломка традиционной русской знаменной символики, выразившаяся в замене религиозных эмблем светскими⁸². В русской армии того времени наблюдалась организационная пестрота. Наряду с полками нового строя, длительное время существовало множество полков старого типа: стрелецкие, жилые, ландмилицкие⁸³. Это определило и то, что в войсках было большое разнообразие знамен, в строю находилось много старых, да и новые иногда строились по прежним образцам. Тем больший интерес представляют знамена для новых регулярных частей, которые показывают процесс формирования знаменной символики Петровского времени. Образуя определенную систему, они постепенно вытесняли старомодные полотнища.

Первым в их ряду является знамя гербовое царя Петра Алексеевича, бывшее во время второго Азовского похода 1696 г. с Морским Региментом. В его состав вошли полки Преображенский и Семеновский, усиленные «новоприобретенными» солдатами, а командовал ими Франц Лефорг, получивший звание Адмирала морского

каравана плавного пути. После взятия Азова Морской Регимент с этим знаменем торжественно вступил в Москву⁸⁴. Форма полотнища еще соответствует старой, т. е. с откосом. На середине изображен золотой двуглавый орел, на его груди в круге — Христос верхом на белом коне; из уст Христа исходит меч, острие которого мечет молнии. Под орлом море с кораблями под парусами. В откосе на облаке изображены св. апостолы Петр и Павел, держащие камень веры. Все фигуры сопровождаются пространственными надписями. На кайме также надпись, а по углам — равноконечные кресты с расширяющимися концами с сиянием (крест Константина)⁸⁵.

К 1700 г. относятся первые знамена Русской армии уже совершенно нового образца. Их эмблематика, композиционное решение и декоративное оформление, казалось бы, совершенно вытесняют старые религиозные сюжеты⁸⁶, однако и на них находится место кресту Константина. Видимо, в этот период происходит трансформация его семантики и, наряду с восприятием его как церковного символа, появляется понимание как геральдической эмблемы. Здесь наблюдается как бы обратный ход по отношению к символике ездца — эмблемы государя, помещавшейся на груди у двуглавого орла. В Петровское время ездца из светского символа превращается в религиозный образ св. Георгия. Хотя, конечно, для этого времени трудно проводить строгие грани между светским и религиозным пониманием символов и подходить к этому вопросу следует с большой осторожностью. Рассмотрим изображение креста Константина на новых знаменах петровских полков.

С первыми подобными знаменами русские войска были в 1700 г. при осаде Нарвы. На полковом знамени лейб-гвардии Семеновского полка в центре был изображен двуглавый орел, окруженный цепью с андреевским крестом под короной. Над ними — облако с всевидящим оком, по бокам — пальмовые ветви, а в крыже окруженный облаком крест с расширяющимися концами и лучами, выходящими из углов. Ротные знамена имели аналогичную композицию, но в центре помещалось изображение обращенного вниз меча⁸⁷.

К этому же времени относятся и кавалерийские штандарты, на полотнище которых изображен лилиеобразный крест с лучами, выходящими из углов, две пальмовые ветви и над крестом девиз: «Сим знаменем побеждаю»⁸⁸ (рис. 2). В Стокгольме, среди нарвских трофеев, хранился штандарт, несколько отличающийся от вышеописанного образца. По своей композиции он напоминает крестовые стрелецкие знамена, представляющие собой полотнища с пря-

мым крестом в центре и окантовкой по краю. На окантовке разноцветные шевроны, крест красный с золотым ободком и золотыми лучами, выходящими из углов; на концах креста золотые короны⁸⁹. Интересно, что его расцветка совпадает с расцветкой знака ордена Константина, т. е. красный крест с золотой окантовкой и золотой хризмой⁹⁰.

В 1701 г. гвардейским полкам были выданы новые знамена, взамен старых, часть из которых была потеряна под Нарвой. Полковые — белого цвета, изображение в центре было как на знаменах 1700 г., но «всеидущее око» вписывалось в круг, образованный цепью, а над ним помещалась корона. По сторонам — пальмовые ветви. Ротные знамена — черного цвета в лейб-гвардии Преображенском полку и синие — в лейб-гвардии Семеновском — отличались от полковых знамен еще и тем, что в центре вместо орла изображался обращенный вниз меч. Кроме того, полотнища знамен преображенцев были украшены синим растительным орнаментом. На всех знаменах в крыже помещался крест в сиянии⁹¹ (рис. 3, 1).

В 1706 г. последовала новая выдача знамен гвардии. И если преображенцы получили совсем новый образец ротных знамен (полковые знамя полка образца 1706 г. неизвестно), то знамена лейб-гвардии Семеновского полка почти не отличались от предыдущих и по-прежнему в крыже имели крест в сиянии⁹² (рис. 3, 2).

В 1711 г. перед отправлением в Прутский поход состоялось освящение знамен для гвардейских полков. В журнале Петра Великого читаем: «Февраля в 25 день, то есть в день воскресный, Государь в Успенской Соборной церкви был у молебна, где объявлен публичный о разрыве с Турецкой стороны миру манифест, который отправлен был на умоление Божественной помощи и победы на миронарушителей и врагов Христианского имени, Турков. Пред церковь стояли в строю два полка гвардии, у которых вместо первых, обыкновенных, белых знамен, были вновь сделанные красные знамена»⁹³. После этой церемонии полки выступили в поход. Новые полотнища сильно отличались от предыдущих образцов, что дало основание К. К. Мамаеву писать: «...символика знамен гвардии 1711 г. может сперва показаться реминисценцией старой религиозной символики»⁹⁴. Они представляли собою прямоугольник красного шелка с надписью: «За имя Иисус Христа и Христианство». В крыже изображение креста в сиянии, вокруг которого надпись «Сим знаменем победиши»⁹⁵ (рис. 3, 3).

К группе знамен Петровского времени с изображением креста Константина относится и знамя городского стрелецкого полка 1705 г.

На полотнище из серого холста в центре живописное изображение черно-синего креста с расширяющимися концами и оранжевыми лучами, выходящими из его углов. Над ним корона, по сторонам надпись: «Д», «ИС», «ХС», «НИКА». Эта композиция обрамлена пальмовыми ветвями, а в углах полотнища четыре клейма: «Крест всечестный ты нам помогай», «И от нашествия отпавших веры защищай», «1705 года месяца майя построися се знамя», «под Александром Сергеевым управлением»⁹⁶ (рис. 3, 4).

Возможно, к этой группе знамен можно отнести и гоис-кейзер-флаг русского флота, происхождение и символика которого требует специального рассмотрения⁹⁷.

Наконец обратимся к знаменам послепетровского времени, чтобы проследить в их символике присутствие креста Константина. На штандарте Лейб-компании 1741 г. в центре помещен двуглавый орел, на груди которого овал с четырехконечным крестом, имеющим расширяющиеся концы, с сиянием. Над орлом девиз: «СИЛЮЮ КРЕСТА ПОБЕДИЛА»⁹⁸ (рис. 4, 1). Широкое распространение в русской знаменной символике крест с расширяющимися концами получает с 1762 г., когда вводятся новые знамена для гвардии и армейских частей. Они строгого геометрического рисунка с гербом в центре. В гвардейских полках поле полотнища знамени целиком занималось крестом с расширяющимися концами, в центре помещался круг с двуглавым орлом, по периметру располагались голтигинские гербы. Эта композиция венчалась императорской короной. В углах, между концами креста, были вензеля Петра III. Этот же тип знамен был введен для армейской пехоты и кавалерии⁹⁹ (рис. 4, 2).

При Екатерине II общий образец знамен сохранился, но изменились детали. На гвардейских знаменах вместо Голтигинских гербов вокруг двуглавого орла был помещен вензель, а по периметру полотнища шли гирлянды. На груди у орла вместо св. Георгия изображен Андреевский флаг. Эмблематика знамен армейских частей этого времени была довольно разнообразна, так как кроме двуглавого орла и вензеля императрицы включала многочисленные земельные гербы. Но эти эмблемы занимали центр и углы полотнища, на котором господствующее положение занимал крест Константина¹⁰⁰ (рис. 4, 3). Он встречается и на ряде казачьих знамен этого времени. На знамени и значке оренбургских казаков равноконечный крест с расширяющимися концами с сиянием, вписанный в круг, помещался в центре над щитом с видом города и надписью «ОРЕНБУРГ»¹⁰¹. На знаменах куреней Черноморского казачьего войска 1788 г., которые были в виде прапоров с двумя

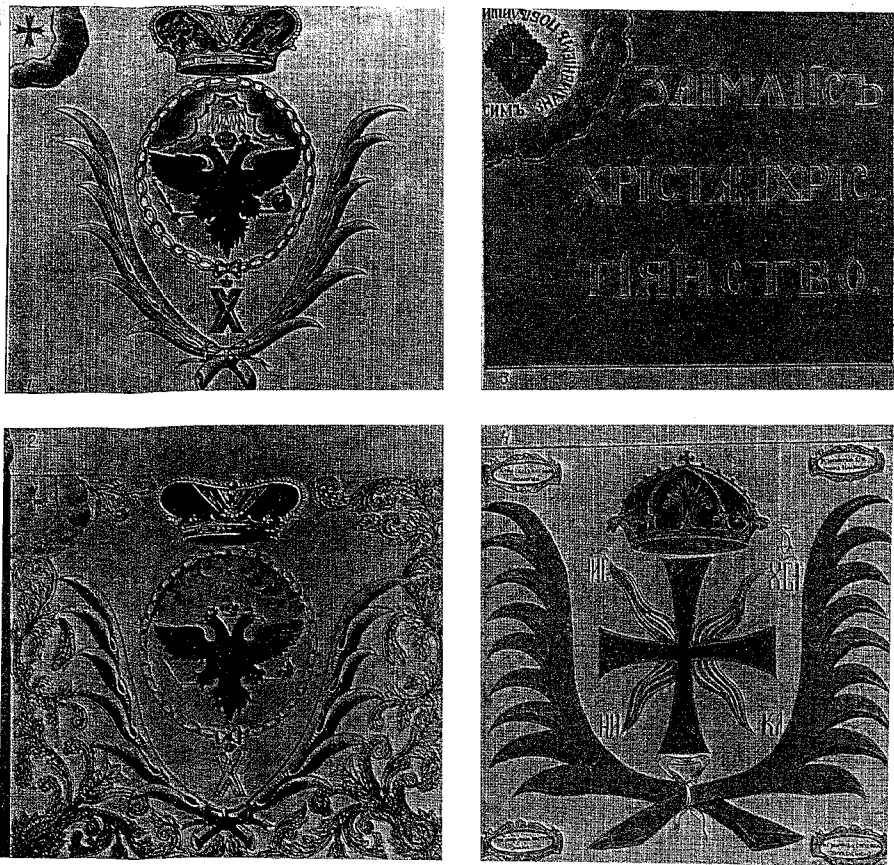

Рис. 3. 1 — Знамя л-гв. Семеновского полка обр. 1701 г.; 2 — Знамя гвардейское обр. 1706 г.; 3 — Знамя гвардейское обр. 1711 г.; 4 — Знамя городского стрелецкого полка 1705 г.

косицами, изображался равноконечный крест с расширяющимися концами¹⁰². Центр знамени Донского казачьего войска 1764 г. занимал двуглавый орел с вензелем Екатерины II на груди, а над ним помещались два круга с крестом Константина. По кайме шла надпись о пожаловании знамени¹⁰³. В 1774 г. Терское казачье войско получило несколько прапоров, в центре которых были изображены Спас Нерукотворный, богородица, св. архистратиг Михаил и равноконечный крест с расширяющимися концами, вписанный в круг с надписью «КРЕСТОМЪ ТВОИМЪ ХРИСТЕ ХВАЛИМСЯ»¹⁰⁴.

При Павле I схема знамен с крестом сохранилась, но появились и новые образцы, представляющие интерес с точки зрения включения в их эмблематику креста Константина. Еще в бытность Павла Петровича великим князем он имел звание генерал-адмирала. Поэтому на знаменах войск в Гатчине мы видим изображение гюйса: на белом полковом знамени — в правом верхнем углу, а ротные знамена — собственно гюйс, в центре которого помещен оранжевый круг с двуглавым орлом¹⁰⁵. Закономерно и то, что, став императором в 1796 г., Павел помещает изображение гюйса в центре знамен

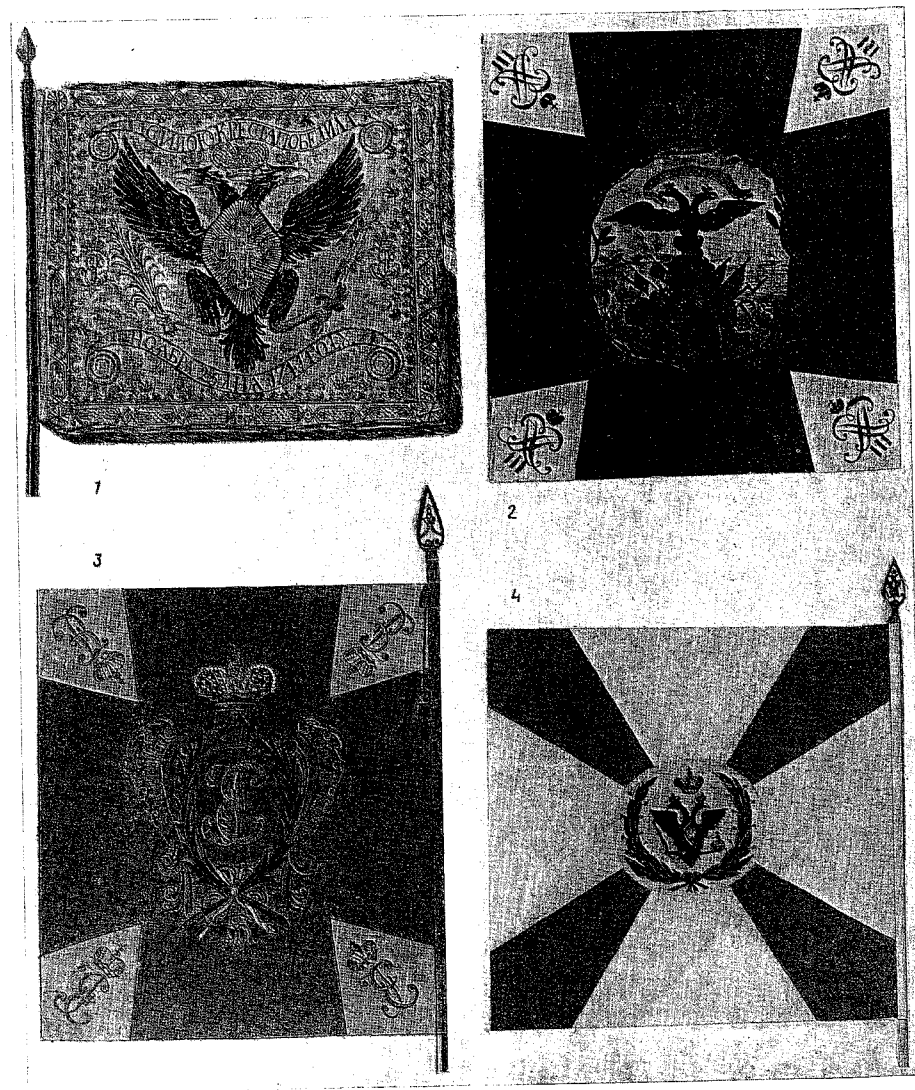

Рис. 4. 1 — Штандарт Лейб-компании 1741 г.; 2 — Знамя мушкетерского полка обр. 1762 г.; 3 — Знамя мушкетерского полка обр. 1780 г.; 4 — Знамя мушкетерского полка обр. 1796—1799 гг.

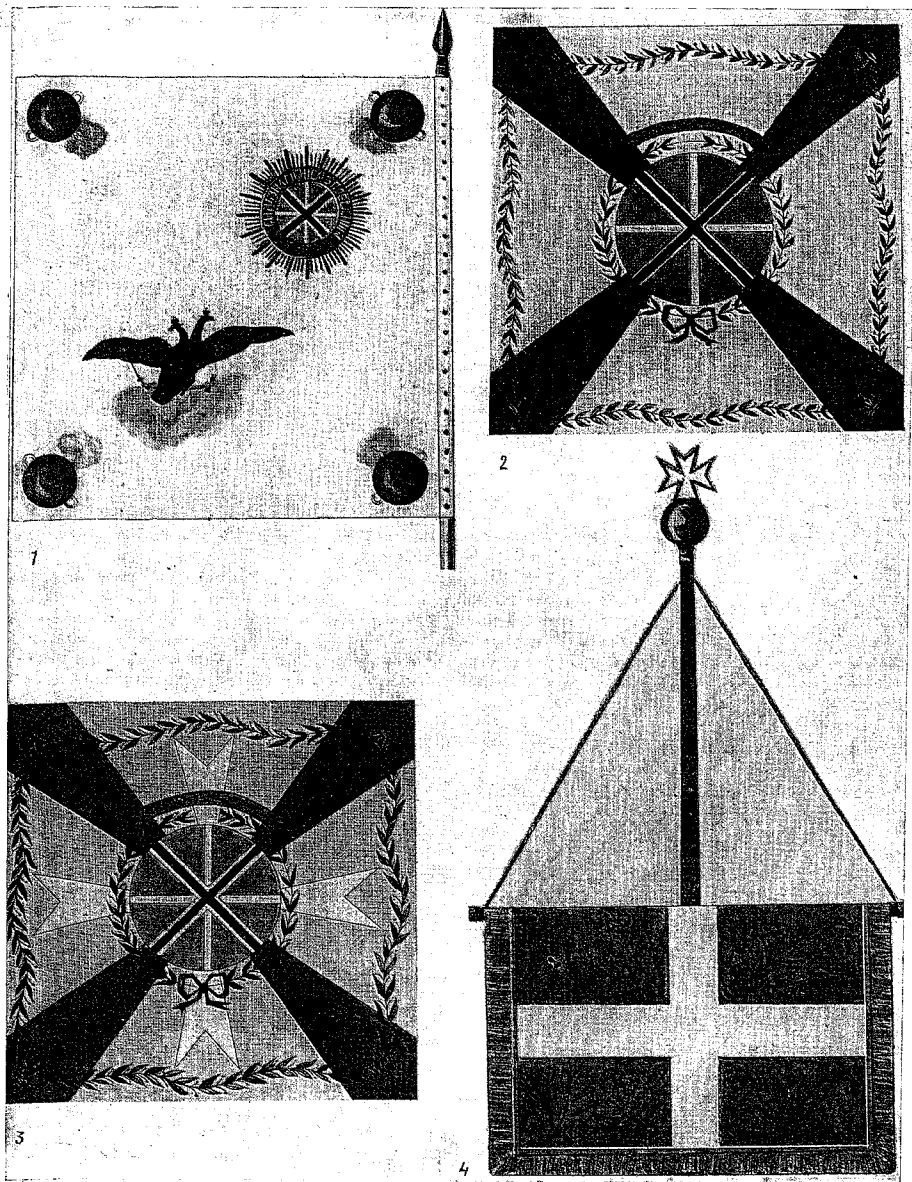

Рис. 5. 1 — Полковое знамя Гатчинских войск 1786—1796 гг.; 2 — Знамя гвардейское обр. 1796—1798 гг.; 3 — Знамя гвардейское обр. 1798—1799 гг.; 4 — Штандарт Кавалергардского корпуса обр. 1799 г.

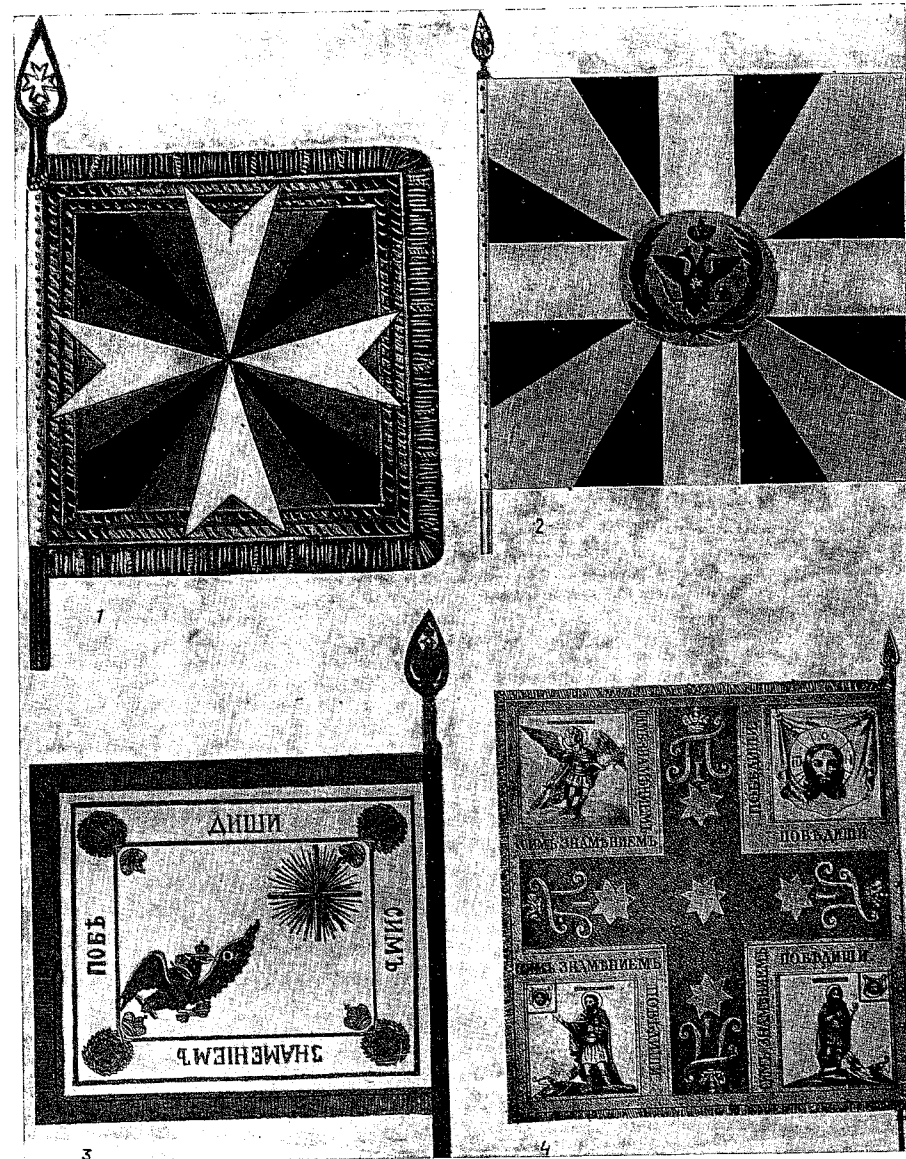

Рис. 6. 1 — Штандарт Кавалергардского полка обр. 1800 г.; 2 — Знамя мушкетерского полка обр. 1796—1799 гг.; 3 — Штандарт 1-го гв. Конного полка обр. 1798 г.; 4 — Знамя Уральского казачьего войска обр. 1798 г.

подков гвардии¹⁰⁸. Обращает на себя внимание то, что на полковом знамени Гатчинских войск гюйс вписан в круг и окружен сиянием, а над ним ленточка с надписью „Сим знаменем победилши“¹⁰⁹, сопутствовавшей знамени Константину Великому. Точно такую ленточку с надписью можно видеть и над изображением гюйса, вписанного в круг, на гвардейских знаменах образца 1796—1798 гг.¹⁰⁸ Таким образом как бы указывалось, что гюйс является не чем иным, как стилизованным изображением креста Константина (рис. 5, 1, 2).

С 1798 г. Павел I становится гротескостроителем Мальтийского ордена, и тогда в русскую геральдику и военную эмблему проникает мальтийский крест, который следует рассматривать как вариант креста Константина. Попадает мальтийский крест и на знамена и штандарты гвардии. В пехоте он накладывается на основной крест¹⁰⁹ (рис. 5, 3). Особенно интересны штандарты Кавалергардского корпуса (с 1800 г. — полка). В 1799 г. впервые в русской армии появляется штандарт типа лабарума с белым прямым крестом на полотнище малинового цвета, на вершине ему служит шар с мальтийским крестом¹¹⁰ (рис. 5, 4). Так в русской военной эмблематике не только продолжается традиционное использование эмблемы, связанной с Константином Великим, но и возрождается тип лабарума Константина, который с этого времени сохраняется для полков тяжелой гвардейской кавалерии до 1917 г. В 1800 г. кавалергарды получают новые штандарты: обычного типа с белым мальтийским крестом, наложенным на крест малинового цвета¹¹¹ (рис. 6, 1), и типа лабарум тоже малинового цвета с белым прямым крестом и на вершине в виде двуглавого орла на шаре¹¹². В то же время для прочих полков тяжелой кавалерии вводятся штандарты обычного типа: для кирасир с изображением двуглавого орла, летящего к четырехконечному кресту с сиянием. На кайме, смежая друг друга, помещались надписи: „НЕ НАМЪ НЕ НАМЪ А ИМЕНИ ТВОЕМУ“, „СЪ НАМИ БОГЪ“, „БЛАГОДАТЬ“ и, наконец, традиционная „СИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ ПОВЕДИШИ“¹¹³ (рис. 6, 3). Драгунские штандарты образца 1797 г. делались по типу пехотных знамен, лишь меньшего размера, с равноконечным крестом с расширяющимися концами¹¹⁴. Пехотные армейские полки в общих чертах сохраняют знамена геометрического рисунка прежних царствований, но каждый получает свою расцветку¹¹⁵ (рис. 4, 4; 6, 2). В 1799 г. полки гвардейской пехоты получают новые знамена, на которых наложение узкого креста с расширяющимися концами на крест прежнего образца дает крест с лучами¹¹⁶. Такие же зна-

мена получили и некоторые инспекции при введении новой системы для армейской пехоты в 1800 г.¹¹⁷ Казачьи части, как и прежде, имели на своих знаменах эмблему в виде креста в сиянии¹¹⁸. Следует особо выделить знамя Уральского казачьего войска 1798 г.: основой композиции является равноконечный крест, на котором пять семиконечных звезд образуют крест, а на концах лучей вензеля Павла I; на кайме креста четыре раза повторяется надпись „СИМЪ ЗНАМЕНЕМЪ ПОВЕДИШИ“, а в углах изображение архистратига Михаила, Спаса, св. мученика Меркурия и св. Иоанна Воинственника¹¹⁹ (рис. 6, 4).

Заканчивая обзор русских знамен XVII—XVIII вв., связанных своей эмблематикой с легендой о знамени Константину Великому, можно сделать вывод, что для знаменной символики России крест Константина был отнюдь не второстепенным знаком. Мы проследили его бытование на протяжении двух веков, но ведь и многочисленные образцы знамен XIX в. несли на себе эту эмблему еще почти сто лет. И напрасно делались попытки свести русскую знаменную символику XVIII—XIX вв., использующую крест с расширяющимися концами, к подражанию германской. Существование этой эмблемы в XVII в. опровергает это. Дело в том, что крест Константина был общехристианской эмблемой, вот почему он встречается во всех европейских государствах независимо от принадлежности к православной, католической или реформатской церкви. И не случайно военная эмблематика, орденская и знаменная символика прежде всего использует победоносный крест Константина, а не мученический, который в этой области встречается редко. Это естественно, так как семантика креста с расширяющимися концами и с сиянием заключена в словах „IN HOC SIGNO VINCES“ — „СИМ ЗНАКОМ ПОВЕДИШИ“.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: История Византии, т. 1. М., 1967, с. 43, 484. Древнерусская литература, кроме того, получала свои знания о Константине, „светлообразном“ кресте со словами „сим победилши“, изготовленные из „драгоценных“ драгоценных камней его подобия и из хроники Георгия Амартола. — См.: Терюшков Ф. А. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приращение к Древней Руси. Киев, 1875, вып. 1, с. 1, 204; Истрия В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Т. 1: Текст. Пг., 1920; Славский И. Г. „Византийский“ золотой царя Алексея Михайловича. — Византийский вестник. М., 1882, вып. 43, с. 191—200.

² Eusebius. *Vita Constantinae*. I, 28—29. — Eusebius Werke, herausgegeben I. A. Heikel. Leipzig, 1902.

³ Smith W. *Flags through the Ages and across the World*. N. Y. 1975, p. 60.

⁴ См.: Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1947, т. 1, табл. 1; — М., 1948, т. 2, табл. 6; *Он же*. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, табл. 5, 7; *Карев М. К.* Древнерусская монументальная живопись XV—XIV вв. М.—Л., 1963, табл. 2, 3.

⁵ *Леер [Г. А.] Энциклопедия военных и морских наук*. СПб., 1888, т. 3, с. 283; *Военная энциклопедия*, СПб., 1912, т. 10, с. 533.

⁶ *Леер [Г. А.]*, с. 283; Smith W. *Op. cit.*, p. 60.

⁷ *Смирнов А. П.* Выносной чеканный крест греческой работы XI—XII веков. — В кн.: *Древнерусское искусство. Зарубежные связи*. М., 1975, с. 37.

⁸ Там же.

⁹ *Omout H. Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale du VI-e au XIV-e siècles*. Paris, 1929, pl. LIX.

¹⁰ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. СПб., [1912], т. 1, ч. 1, с. 81.

¹¹ Этому вопросу был посвящен наш доклад „Крест царя Константина в средневековой воинской символике Европы“, прочитанный на конференции „Художественные памятники и проблемы истории культуры Востока“, проходившей 11—13 апреля 1979 г. в Государственном Эрмитаже.

¹² *Мамлеев К. К.* Флаги рассказывают. Л., 1972, с. 35—36; *Barraclough E. M. C. Flags of the World*. L.—N. Y., 1969, p. 123; *Smith W. Op. cit.*, p. 64.

¹³ Записки путешественника генерала фельдмаршала российских войск [...] графа Бориса Петровича Шереметева [...] М., 1773, с. 70.

¹⁴ См. статьи в журнале „Атенст“, февраль 1927 г. (№ 16 неким посвящен истории креста).

¹⁵ *Нейгардт А.* Происхождение креста. М., 1975, с. 32—33.

¹⁶ *Повесть временных лет*. М.—Л., 1950, ч. 1, с. 89, 288.

¹⁷ *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, с. 131—133; *Аллатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 116.

¹⁸ *Тихомиров М. Н.*, с. 157.

¹⁹ *Тихомиров М. Н.*, с. 105.

²⁰ *Лихачев Д. С.* „Повесть временных лет“ (историко-литературный очерк). — В кн.: *Повесть временных лет*, ч. 2. Приложение. М.—Л., 1950, с. 62.

²¹ *Виноградов И.* Новые данные по истории Тверского княжества. Княжение Бориса Александровича (1425—1461 гг.). Тверь, 1908, с. 7—8.

²² *Орешников А.* Русские монеты до 1547 г. № 322; *Спаский И. Г.* Русская монетная система. Л., 1970, с. 90. № 22.

²³ Русская историческая библиотека. СПб., 1880, т. 6, № 148, стб. 797—799.

²⁴ *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — нач. XVI в. М.—Л., 1960, с. 379; *Гольдберг А. Л.* К предистории идеи „Москва — третий Рим“. — В кн.: *Культурное наследие Древней Руси*. М., 1976, с. 144—145; *Он же*. Историко-политические идеи русской княжести XV—XVIII вв. — История СССР, 1975, № 4, с. 60—77.

²⁵ *Чичуров И. С.* К вопросу о формировании идеологии господствующего класса Древней Руси в конце XV—XVI в. — В кн.: *Общество и государство феодальной России*. М., 1975, с. 129.

²⁶ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — нач. XVIII века. М., 1969, с. 411; *Вилин Г. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 342 и сл.

²⁷ *Ржига В. Ф. И. С.* Пересветов, публицист XVI в. — Чтения ОИДР, 1908, кн. 4; *Сперанский М. Н.* Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. —

Труды Отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, XII. М.—Л., 1956, с. 220.

²⁸ *Чичуров И. С.*, с. 131.

²⁹ Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963, т. 2, № 521, с. 131; *Антонова В. И.* Ставка живописи средневековой Руси. — В кн.: *Триста веков искусства*. М., 1976, с. 199.

³⁰ *Антонова В. И.* Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966, с. 16; *Она же*. Ставка живописи средневековой Руси..., с. 200.

³¹ *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 157—158; *Антонова В. И.* Ставка живописи средневековой Руси..., с. 200—201.

³² Grabar A. *L'Art du moyen age en Europe Orientale*. Paris, 1968, p. 140; *Антонова В. И.* Ставка живописи средневековой Руси..., с. 201.

³³ Grabar A. *Les Croisades de l'Europe orientale dans l'art*. — *Mélanges Ch. Diehl*, I, Paris, 1930, p. 19—23, fig. 2, 3; *Торошич-Лубинский М. П.* Крест Константина и *Желе и Оврид*. — *Старина и Новина*. Београд, 1951, с. 180—181, сл. 13; *Istoria arteilor plastice in Romania*. Bucuresti, 1968, p. 354—355, fig. 297; *Полов Г. В.* Три памятника южнославянской живописи XIV века и их русские копии середины XVI века. — В кн.: *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура*. М., 1973, с. 363.

³⁴ *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899, ч. 1, с. 85—86, илл. 123; *Опись Московской Оружейной палаты*. М., 1884, ч. 3, кн. 1, с. 41—44; *Звегинцов В. В.* Знамена и штандарты Русской армии, XVI—в. — 1914, и морские флаги. Париж, 1964, с. 2, табл. 2, № 3. Реставрация этого знамени проводила реставратор Т. Н. Кошлякова, чему был посвящен ее доклад „Реставрация знамени Оружейной палаты“ на научной конференции в Государственных музеях Московского Кремля в 1976 г.

³⁵ *Иоани перомонах*. Обрядник византийского двора как первоначальное археологическое источник. М., 1895, с. 8—9.

³⁶ *Сазаров [И.]*. Скавания русского народа. СПб., 1849, т. 2, кн. 8, с. 52, 61; *Валерова О. А.* Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии. — *Византийский вестник*, 1960, т. 17, с. 144—143.

³⁷ *Либман М. Я.* Донателло. М., 1962, табл. IX, илл. 118; *Encyclopedie Umeni* *Republique de Varsovie*. Umeni a Ludstvo. Larousse. Praha, 1970, s. 146, 304.

³⁸ *Белаевец П. И.* Изменение Российского государственного герба в императорский период. Исторический справочник. Пг., 1915, с. 18, рис. 14; *Славский И. Г.* Русская монетная система, с. 126—130.

³⁹ *Белаевец П. И.*, с. 15, 16, 20, рис. 13; *Алексеева М. А.* Жарн конюший в русском искусстве конца XVII — начала XVIII в. — В кн.: *Русское искусство барокко*. Материалы и исследования. М., 1977, с. 18, илл. 1.

⁴⁰ *Белаевец П. И.*, с. 15, 16, 19, рис. 12; *Овчинникова Е. С.* Поуртег в русском искусстве XVII века. М., 1955, с. 79.

⁴¹ *Симеон Полоцкий*. Орел Российский. — *Имп. Общество любителей древней письменности*, СПб., 1915, т. 133, с. 24.

⁴² *Опись...* с. 45, № 4071.

⁴³ *Звегинцов В. В.*, с. 2—3, табл. 4, № 5—18; табл. 5, № 19, 24—24.

⁴⁴ Стрелечные знамена крестового типа имеют большое сходство с французскими знаменами этого же вре-

мени. См.: Funcken L. et F. *L'uniforme et les armes des soldats de la guerre en dentelle*. Casterman, 1975, t. 1, p. 52, 53, 67, 73; Wise T. *Military Flags of the World*. London, 1977, pl. 4, 11 (63, 64), 12 (71, 72); 15, 16 (93, 94); 20 (118, 121, 122). Это может быть результатом либо параллельного развития знаменой символики двух стран, либо заимствования, что требует специального изучения.

- ⁴⁵ Висковатов А. В., ч. 1, с. 87—89, илл. 126.
⁴⁶ Балаенев П. И. Краткая записка о старых русских знаменах. Спб., 1911, с. 53—58; *Он же*. Приложение к Краткой записке о старых русских знаменах. Спб., 1914, с. 36, рис. 37; Erich Palmquist. *Nagre wihd Sidste Kongl. Ambassaden till Tsaren. Muskou, giorde Observationer öfwer Russlands de wägar, Pass medes Fockningar des Brantzer Sammandragne*. Anno 1674. Stockholm.
⁴⁷ Балаенев П. И. Краткая записка..., с. 53—58; *Он же*. Приложение..., с. 35, 38, рис. 36, 40.
⁴⁸ Балаенев П. И. Краткая записка..., с. 59; *Он же*. Приложение..., с. 39, 40, рис. 42, 43.
⁴⁹ Опись..., с. 59, № 4084.
⁵⁰ Там же, с. 98, № 4201.
⁵¹ Там же, с. 102, № 4208.
⁵² Балаенев П. И. Краткая записка..., с. 46; *Он же*. Приложение..., с. 29, рис. 29; Petrelli T. J., Lagrelus A. *Narratöfver*. Uppsala & Stockholm, 1907, s. 15, 17, pl. 2; *Звегинцов В. В.*, с. 5, табл. 13, № 35.
⁵³ Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., 1885, с. 50, 68; В. П. Старица. Домоноголское время. — Декоративное искусство СССР, 1970, № 8; Черняков А. Старица XII века из Архангельского краеведческого музея. — Византийский временник, № 31, 1971; Новые открытия советских реставраторов. I. Соет. С. Ямпшков М., 1973; VII выставка произведений изобразительного искусства, реставрированных ГИХНРМ им. академика И. Э. Грабаря (1944—1974). Каталог выставки. М., 1975, с. 123 и др.
⁵⁴ Каргер М. К. Древнерусская монументальная живопись XI—XIV вв. М.—Л., 1963, табл. 2, 3; Кириков Б. М. Новгородский Кремль. Л., 1957, с. 24, илл. 8.
⁵⁵ Опись..., с. 84, № 4185. Аналогичное знамя было выдано Запорожскому войску в 1730 г. — Там же, с. 86—87, № 4186.
⁵⁶ Висковатов А. В., ч. 1, с. 95—96, илл. 138; Опись..., с. 95—96, № 4197; *Звегинцов В. В.*, с. 3, табл. 7, № 28.
⁵⁷ *Catalogue of foreign Colours, Standards, Guidons exhibited in the Trophy Room of the Royal Army Museum*. Stockholm. S. 1., s. a., N 12, Inv. N: ST 21 : 43.
⁵⁸ Струков [Д. П.]. Описи знаменам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам, трубам за отличие, грамотам, скобам и прочим войсковым регалиям, хранящимся в АИМ, с указанием принадлежности таковых частям войск. Спб., 1903, с. 324—325, № 289 (по описи АИМ—2008, ч. I, кн. III); Фонд знаменой графики ГЭ № 17390; *Catalogue of foreign Colours...*, N 17, No.: ST 23 : 325, 4.
⁵⁹ *Catalogue of foreign Colours...*, N 20, Inv. No.: ST 20 : 469.
⁶⁰ Опись..., с. 77—78, № 4171.
⁶¹ Юрий Крижанич. Политика. М., 1965, с. 455.
⁶² Там же, с. 582.
⁶³ Там же, с. 659.
⁶⁴ Дмитриев Ю. Н. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля (материалы и исследование). — В кн.: Древнерусское искусство XVII века. М., 1964, с. 145, 146, 148, 159. Следует иметь в виду, что росписи Архангельского собора XVII в. повторяют более ранние фрески времени Ивана Грозного

(см.: Сизов Е. С. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов. — Там же, с. 160, 161, 163).

- ⁶⁵ Павел Аелпский. Путешествие Ангиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М., 1898, вып. 4, с. 6.
⁶⁶ Павел Аелпский. М., 1896—1898, вып. 1—4.
⁶⁷ Там же, вып. 3, М., 1898, с. 141—142.
⁶⁸ Там же, вып. 4, М., 1898, с. 96—97.
⁶⁹ Собрание разных записей и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Иад. Ф. Туманского. Спб., 1787, ч. 2, с. 311—319.
⁷⁰ Funcken L. et F. *Op. cit.*, p. 35, 41, 52—53, 65, 67, 73, 123, 138—139; Wise T. *Op. cit.*, pl. 4, 7 (42—44), 8 (46—50), 10 (62), 11 (63—64), 12 (71—72), 15 (88—92), 16 (93—94), 17 (99—100), 19 (113—115), 20 (118, 121—122), 23 (139), 24 (143, 144, 146), 25 (149—150), 26 (154), 27, 28, 29 (171, 172, 175), 30 (176—180), 31 (182—183), 32 (188), 34 (204), 35, 36 (214—215, 218—219), 38 (226—230).
⁷¹ Funcken L. et F. *Op. cit.*, p. 73 (12, 13, 14, 26); Wise T. *Op. cit.*, pl. 15 (91—92).
⁷² Funcken L. et F. *Le costume et les armes des soldats de tous les temps*. T. 1. Casterman, 1966, p. 133.
⁷³ Шзонбек А. История о ординах или чинах воинских паче же кавалерских, ч. 1. М., 1710.
⁷⁴ Там же; L'Abbe Giustiniani. *Histoire des ordres militaires ou des chevaliers*. Amsterdam, 1721, v. 1, p. 4—70.
⁷⁵ Соболева Н. А. Российская городская геральдика. — Вопросы истории, 1976, № 3, с. 56; Голицов И. И. Делния Петра Великого, т. 1. Изд. 2. М., 1837, с. 282.
⁷⁶ Theiner A. *Monuments historiques, relatifs aux regnes d'Alexis Michailowitch, Feodor III et Pierre le Grand, Cears de Russie, Extraits des Archives du Vatican et de Naples*. Roma, 1859, p. 377; Medlin W. K. *Moscow and East Rome. A Political Study of the Relations of Church and State in Muscovite Russia*. Geneva, 1952, p. 218, n. 2.
⁷⁷ Терновский Ф. А., с. 26.
⁷⁸ Чичуров И. С., с. 126.
⁷⁹ Савлуцкий П. Русская духовная литература первой половины XVIII в. и ее отношение к современности (1700—1762). — Труды Киевской духовной академии, 1878, № 4; Панагирическая литература Петровского времени. М., 1979, с. 128, 280.
⁸⁰ Голицов И. И. Сравнение свойств и дел Константина Великого, первого из римских христианского императора со свойствами и делами Петра Великого, первого всероссийского императора, и произшествий в царствование обоих сих монархов случившихся. М., 1810.
⁸¹ Вилинбахов Г. В. К истории учреждения ордена Андрея Первозванного и эволюция его знака. — В кн.: Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977, с. 144—153.
⁸² Малаев К. К. Символика знамен Петровского времени. — ТГЭ, 1970, т. 11, с. 25—35.
⁸³ Рабинович М. Д. Полки петровской армии. 1698—1725. Краткий справочник. — Труды ГИМ. М., 1977, вып. 48.
⁸⁴ Опись..., с. 50.
⁸⁵ Висковатов А. В., ч. 1, с. 93—94, № 133; Опись..., с. 49—50, № 4072; Николаев Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия Русской армии. Спб., 1899, т. 1, с. 102; Балаенев П. И. Краткая записка..., с. 24—25; *Он же*. Приложение..., с. 13, рис. 9; *Звегинцов В. В.*, с. 4, табл. 2, № 32.
⁸⁶ Малаев К. К. Символика знамен Петровского времени...

- ⁸⁷ Балаенев П. И. Краткая записка..., с. 64—65; *Он же*. Приложение..., л. 45, 46, рис. 50, 51; Petrelli T. J., Lagrelus A. *Op. cit.*, s. 23—42, pl. 18, 19; *Звегинцов В. В.*, с. 7, табл. 21, 22, № 69, 70.
⁸⁸ Petrelli T. J., Lagrelus A. *Op. cit.*, s. 16—18, pl. 8, 9; Балаенев П. И. Краткая записка..., с. 68—69; *Он же*. Приложение..., л. 51, рис. 58—60; *Звегинцов В. В.*, с. 9—10, табл. 25, 26, № 81—84.
⁸⁹ *Звегинцов В. В.*, с. 5, табл. 10, № 37.
⁹⁰ Вилинбахов Г. В., с. 153—154.
⁹¹ Висковатов А. В., ч. 2. Спб., 1899, с. 54—55, № 213—215, 217; *Звегинцов В. В.*, с. 7—8, табл. 19, 21, № 63, 64, 67, 68.
⁹² Висковатов А. В., ч. 2, с. 55—56, № 216, 218, 219; *Звегинцов В. В.*, с. 8, табл. 22, № 72, 73.
⁹³ Журнал Петра Великого. Спб., 1770, ч. 1, с. 327—328.
⁹⁴ Малаев К. К. Символика знамен Петровского времени..., с. 32.
⁹⁵ Висковатов А. В., ч. 2, с. 56, № 221; *Звегинцов В. В.*, с. 9, табл. 19, № 76.
⁹⁶ Опись..., с. 77, № 4170.
⁹⁷ Семенович Н. Н. История русского военно-морского флага. Л., 1946, с. 37—41.
⁹⁸ Висковатов А. В., ч. 3, с. 80—81, № 373; *Звегинцов В. В.*, с. 14, табл. 36, № 158.
⁹⁹ Висковатов А. В., ч. 3, с. 112—113; № 414—416; *Звегинцов В. В.*, с. 16—17; табл. 41, 42, № 186—191, 193—196.
¹⁰⁰ Висковатов А. В., ч. 6. Спб., 1900, с. 49—57, № 866—871, 873—875, 877, 881; *Звегинцов В. В.*, с. 17—19, табл. 43, № 197—202, табл. 44, № 203—218, 221, табл. 46, № 226—229.
¹⁰¹ Висковатов А. В., ч. 3, с. 85, № 388, 389; *Звегинцов В. В.*, с. 16, табл. 40, № 181, 182.
¹⁰² Висковатов А. В., ч. 6, с. 60—61, № 887, 888; *Звегинцов В. В.*, с. 21, табл. 46, № 239.
¹⁰³ Висковатов А. В., с. 58, № 882; *Звегинцов В. В.*, с. 20, табл. 48, № 234.

- ¹⁰⁴ Висковатов А. В., с. 59, № 883; *Звегинцов В. В.*, с. 20, табл. 48, № 235.
¹⁰⁵ Висковатов А. В., с. 82, № 911; *Звегинцов В. В.*, с. 21, табл. 42, № 248, 249.
¹⁰⁶ Висковатов А. В., ч. 9, с. 68—69, № 1258; *Звегинцов В. В.*, с. 25, табл. 54, 55, № 250—255, 262—267.
¹⁰⁷ Висковатов А. В., ч. 6, с. 82, № 911; *Звегинцов В. В.*, с. 24, табл. 42, № 248.
¹⁰⁸ Висковатов А. В., ч. 9, с. 68—69, № 1258; *Звегинцов В. В.*, с. 25, табл. 54, 55, № 250—255, 262—267.
¹⁰⁹ Висковатов А. В., с. 69, № 1258—1260; *Звегинцов В. В.*, с. 25, табл. 55, № 262—273.
¹¹⁰ Висковатов А. В., с. 70, № 1264а; *Звегинцов В. В.*, с. 26, табл. 57, № 282.
¹¹¹ Висковатов А. В., с. 70—71, № 1264в; *Звегинцов В. В.*, с. 26, табл. 57, № 283.
¹¹² Висковатов А. В., с. 71, № 1264с; *Звегинцов В. В.*, с. 26, табл. 57, № 284.
¹¹³ Висковатов А. В., с. 62—65, 71, № 1249—1252, 1265а; *Звегинцов В. В.*, с. 26—32, табл. 57, № 285—290, табл. 66, № 602—613, табл. 67, № 614—625, табл. 68, № 626—637, табл. 69, № 638—641, табл. 73, № 697—700.
¹¹⁴ Висковатов А. В., с. 65—67, № 1253—1256; *Звегинцов В. В.*, с. 31, табл. 70—72, № 642—677.
¹¹⁵ Висковатов А. В., с. 41—59, № 1225—1245; *Звегинцов В. В.*, с. 26—30, 32, табл. 58—65, № 293—601, табл. 73, № 691—696, 701, 702.
¹¹⁶ Висковатов А. В., с. 69—70, № 1261—1263; *Звегинцов В. В.*, с. 25, табл. 56, № 274—279.
¹¹⁷ Висковатов А. В., с. 59—62, № 1246—1248; *Звегинцов В. В.*, с. 30, 32, табл. 65, № 593, 599, табл. 73, № 692, 694, 696.
¹¹⁸ Висковатов А. В., с. 71—74, № 1265, 1268, 1270; *Звегинцов В. В.*, с. 26, 32, табл. 56, № 291, 292, 683, табл. 69, № 679—682, 687—690.
¹¹⁹ Висковатов А. В., с. 72—73, № 1267; *Звегинцов В. В.*, с. 32, табл. 69, № 678.